

The background of the entire cover is a dense, intricate pattern of swirling, flame-like or leaf-like shapes in various shades of red, from bright red to dark, almost black red. The pattern is highly detailed and fills the entire space.

Вовка и водка (или дети подземелья)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Геннадий Матрюков

18+

Геннадий Мاستрюков Вовка и водка (или дети подземелья)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70251856
SelfPub; 2024*

Аннотация

После тяжёлого ранения офицер бригады спецназа Владимир Рухлов, вынужден уйти в отставку. Не найдя себя на "гражданке", он ударился в пьянство. В поезде по пьянке, нарывается на поездных катал, и проигрывает крупную сумму денег. Те приходят к нему домой, угрожают семье, требуют отдать в счёт долга квартиру. Владимир просит их немного подождать, он найдёт деньги, но бандиты не соглашаются, и угрожают изнасиловать его малолетнюю дочь. В завязавшейся драке офицер убивает одного из бандитов. В тюрьме узнаёт, что бандитов покрывает кто-то из высоких чиновников из "оборотней в погонах". Решается на побег. Герою предстоят тяжёлые испытания, в которых он спасает не только себя, но и беспризорных детей, вынужденных жить в подземных коммуникациях.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Геннадий Мاستрюков

Вовка и водка (или дети подземелья)

Часть 1

– Ты посмотри на себя, ты же в конченого алкаша превратился-, уже привычно выговаривала Владимиру жена. Впрочем, Владимиром он был раньше, в другой жизни, которая ему самому сейчас казалась давним полузабытым сном.

На церемониях награждения он был Владимиром Николаевичем Рухловым, в роте которой командовал, к нему обращались: товарищ капитан или товарищ командир, друзья звали Володя или Вова.

Но это было давно, и потихоньку стиралось из памяти. Сейчас у него были другие "друзья", которые звали его просто Вовка, а когда у него появлялись деньги или удавалось раздобыть бутылку, он был Вовчиком и друганом. За глаза звали Вовка-солдат.

– Когда же это закончится, сил моих больше нет продолжала жена. – Тебя уже дочь ненавидит, устала на твою пьяную морду каждый вечер смотреть. Ей перед подругами стыдно, все смеются что у неё папаша алкаш. А мне людям

как в глаза глядеть?

Не работаешь, каждый день пьяный, все уже, наверное, забыли каким ты раньше был. Только и слышу: твой алкаш опять "на пятаке" гуляет, что ни день то побьёт кого-нибудь, а то и челюсть другому алкашу сломает.

Надя заплакала. Владимир стоял, опустив голову и молчал. А что он мог ей сказать? Права была жена, кругом права. Пора завязывать, тоже уже привычно подумал он. Вот сегодня достану опохмелится и завяжу, действительно допился до ручки, недавно чуть ордена на водку не сменял.

Хорошо Георгий Архипович, учитель старый, увидел, забрал. Сказал иди prospись и звание офицерское не позорь, сам фронтовик, понимает. Отечественную с первого дня до Дня Победы. Нет надо завязывать.

Но Вовка понимал, что обманывает сам себя, ни черта он не завяжет, сейчас Надя уйдёт на работу, дочь в школу, а он снова отправится на "пятак", место, где каждое утро собираются поселковые алкаши.

Пятаком называли двор бывшего детсада номер 5. Жители посёлка проходя мимо, сейчас только вздыхают, хороший был садик, уютный и тихий, только маленький, на всех детишек стало не хватать.

Это сейчас в семье обычно один ребёнок, второго чаще заводят чтобы получить материнский капитал, не все конечно, но и таких много. Раньше рожать не боялись, хотя никаких капиталов не давали, было другое: бесплатные школь-

ные обеды, пионерские лагеря летом, много разных кружков и секций, выбирай к чему душа лежит. А главное отношение к старикам и детям было другое.

Решили строить садик побольше. Обнесли забором участок возле леса, большой участок, красивый. Завезли материалы, начали строить. Ну а затем страны с красивой и гордой аббревиатурой СССР не стало, и получилось, как всегда, хотя хотели как лучше, как сказал один политик.

Деньги, выделенные на строительство, куда-то запропастились, рабочим перестали платить зарплату, и они разбежались, человек ищет, где лучше, семьи всем кормить надо. Стройка заглохла. Потом закрыли и старый садик, воспитатели тоже кушать хотят, а зарплату по полгода не платят.

У кого была возможность нанимали няню, других детей разобрали бабушки и дедушки, а некоторым мамам и с работы пришлось уйти, всё равно денег нет. Лучше что-то на огороде вырастить да на рынке продать, опять же ребёнок под присмотром.

Участок, выделенный под строительство, купил какой-то городской богач, и построил шикарную дачу с трехметровым забором и охраной, а старый детсад окончательно забросили. Что можно было украсть украли, остальное сломали и загадили.

А тихий двор сразу облюбовали алкаши, и уютно, и из-за разросшихся кустов никто не видит. Даже поддерживали в нём относительный порядок: поставили лавочку, изредка

подметали окурки и прочий мусор, который сами же и разбрасывали.

Вовке было жалко жену. Надя раньше была красавицей, но не ветреной, а какой-то домашней, покладистой. Когда Владимир впервые увидел молодую учительницу, только что приехавшую в посёлок, то сразу понял, что влюбился сразу и навсегда.

Та тоже не раздумывая бросилась в омут голубых глаз красавца офицера. Высокого, мужественного и весёлого. Тянуть долго не стали, сыграли свадьбу. Жили хорошо, не очень богато, но и не бедно. Да дело ведь даже не в этом, когда по-настоящему любишь, с любимым и чёрный хлеб-пряник.

Владимир служил в бригаде спецназа ГРУ, дислоцированной в области. Служил честно и хорошо, командование его ценило. Выезжал в командировки в горячие точки, геройски воевал, участвовал в спецоперациях, имел боевые награды.

Надя всегда очень переживала за мужа, когда ждала его из опасных командировок. Старалась не думать о плохом, но тревожные мысли назойливо штурмовали мозг. А Вовка только отшучивался:

– Ничего теперь со мной не случится, меня дома Надежда ждёт, а скоро и Вера появится (Надя тогда забеременела, хотели девочку), ну а **ЛЮБОВЬ** всегда со мной.

Но человек как известно только предполагает. В своей последней командировке получил тяжёлое ранение, практически несовместимое с жизнью. Никто не верил, что он выка-

рабкается, обычно после такого не выживают. Если и не сразу путёвку на тот свет выдают, то почти всем в первый год. Две недели в коме пролежал, но выжил вопреки всем прогнозам.

Верила в Вовку только жена да он сам. Всё верно, как Надежде без Веры жить? Да и никто без Веры и Надежды не выживет. В общем выкарабкался Вовка, но службу в бригаде пришлось оставить, ни одна медкомиссия не пропустит.

А вскоре и бригаду расформировали. Была бригада элитного спецподразделения, и в одночасье её не стало. Знать бы имя той сволочи которая такое решение приняла, да что толку. В смутное и тяжёлое для страны время всё дерьмо на поверхность всплывает, оно как известно не тонет.

Множество молодых крепких и здоровых мужчин, которым хоть и не пришлось как Вовке пережить кому и клиническую смерть, так же, как и он оказались не у дел. Естественно, возник вопрос как жить дальше.

То-то возрадовался криминал. Одно дело взамен посаженных или поселившихся на погосте шестёрок пополнять свои ряды шпаной с улицы, и совсем другое усилить хорошо обученными подготовленными бойцами. Криминальные группировки что называется отрывали бывших спецназовцев с руками.

Другие рассосались по коммерческим фирмам и фирмочкам, пробовали создавать свои, по сути, тот же криминал. Ибо в то время, не нарушая законов и не поддерживая с ним

связь, никакая коммерческая структура выжить не могла.

Вовке можно сказать повезло. Один генерал, знавший Рухлова ещё по Афгану, используя свои генеральские связи, устроил офицера работать в районный военкомат. Работа спокойная и непыльная, сиди бумажки перебирай с восьми до пяти, и денежка какая-никакая капает. Немного, но существовать можно.

Только не по нутру это было боевому офицеру. Это всё равно что волка на цепь посадить и заставить дом охранять. Охранять он, конечно, будет, и получше любого пса, только скоро от тоски подохнет. Ему воля нужна, борьба, риск, свежий ветер, а тут цепь.

Стал Вовка тоску водочкой глушить. То есть выпивал конечно и раньше, но аккуратно и только по поводу. Успешную операцию с сослуживцами обмыть, награду, в праздники пригубить, дни рождения, дело святое. А теперь каждый день стал прикладываться, вернее каждый вечер, на службе себе такого всё же не позволял, дорожил работой, хоть какой заработок.

Приходил вечером домой крепко "под мухой", съедал приготовленный женой ужин, смотрел по телеку новости, матерился про себя и ложился спать. Буйным он не был, на все упрёки жены обычно отмалчивался, да и вообще стал мало разговаривать, больше молчал.

Когда родилась Верочка, с выпивкой подзавязал, терпел. Снова "причащаться" стал только в дни рождения да празд-

ники. По выходным фуры на "бакалейке" разгружал, вагоны на станции, денег постоянно не хватало.

Наденька тоже кроме основной работы за любые подработки хваталась, не гнушалась ничем: и полы в местной администрации мыла, и дворника подменяла. Тяжело было, но жизнь вроде начала налаживаться. Муж почти не пьёт, снова шутить начал, с ребёнком помогает. Так продолжалось почти десять лет. И в стране потихоньку стало что-то меняться, как говорится живи да радуйся.

Но оказалось, что радоваться рано. Районный военкомат тоже закрыли, решили, что хватит одного областного, всё равно призывников в разы меньше стало. Кого родители от Армии откупали, кто-то сам всеми правдами и неправдами "косил". Служить стало не почётно как раньше, а тяжело и плохо.

Так Вовка снова оказался на улице и снова запил. На этот раз глухо и страшно, по-чёрному.

Часть 2

Надя плакала, закрыв ладонями лицо. Худенькие плечи вздрагивали в такт рвущимся из самой глубины души рыданий. Вся она сейчас напоминала маленького обиженного ребёнка, с которым взрослые незаслуженно обошлись зло и жестоко.

Владимир смотрел на жену, сгорал от жгучего стыда, и не знал куда деваться от сдавившей сердце жалости. Он ведь

любит её, очень любит, когда и как он позволил водке одержать верх? Как он пропустил этот момент?

Как он, боевой офицер, позволил этой заразе распоряжаться его жизнью? Как случилось что она подчинила его себе, диктует ему свои законы и правила? Вернее, правило у неё одно, и он уже почти два года ему подчиняется. Каждый день напивается до глухого безразличия ко всему, не думая, что будет дальше.

Раньше, когда сам не пил, он удивлялся тому, как эти алкаши, которые теперь стали его друзьями, умудряются каждый день напиваться. Не работают, денег взять негде, в долг уже никто не даёт, это всё равно что выбросить, не вернут никогда. Тем не менее напиваются каждый вечер.

Теперь он сам с утра до вечера проводил на "пятак" и сам каждый вечер напивался. Странное дело, но выпивка находилась всегда, как говорится "свинья грязи найдёт".

Те, кто моложе и сильнее нанимались вскопать какой-нибудь бабушке огород, напилить дров, другие тащили из дома всё что можно продать или сменять на водку. Третьи просто попрошайничали. Односельчане костерили пьяниц на чём свет стоит, но некоторые давали.

Когда кому-то удавалось раздобыть выпивку, он шёл на "пятак" и делился с другими, взаимовыручка в действии так сказать. Те, кто выпивал втихаря от других и делиться не хотел, из общества изгонялись как только их на этом ловили.

*****

– Ну что ты Надь, перестань. – каждое утро раскаивался Владимир. – Завяжу я, вот увидишь, правда завяжу, самому надоело. У тебя на пиво нет?

– Какое пиво Володя? прорвало жену. – Я не знаю, чем вас завтра кормить, везде зарплату задерживают. На трёх работах горбачусь, а толку. Дадут немного, и всё завтраками кормят, устала я Вова, не могу больше так.

– Уйдём мы с Верочкой от тебя, ты тоже каждый день бросить обещаешь, только и слышу: завтра, завтра. Жизнь проходит Вова. То из командировок твоих ждала, даже обрадовалась сначала, когда перестал воевать, думала заживём, всегда вместе, рядом теперь.

– Ну закрыли военкомат, можно же что-то другое найти. Тебе Олег Андреевич предлагал в военном училище преподавать, почему отказался, чем не работа?

– Ну не моё это Надь, у доски стоять, учить кого-то. Не смогу я, не получится у меня, лучше грузчиком куда-нибудь устроюсь, завяжу я, точно завяжу.

– Бросай пить Вова, Христом Богом тебя прошу бросай! Ты сможешь, ты сильный, ну нельзя больше так. То и дело в драку какую ввяжешься, а если не дай бог не рассчитаешь? Ведь дождёшься, или посадят или убьют. Ткнул сзади ножом, как один твой собутыльник хотел, и всё.

– Сломал ты ему руку, так он скоро из больницы выйдет, мстить начнёт. Люди говорят при всех орал что тебя зарежет. В следующий раз может и получится у него, будешь пьяный

и не успеешь среагировать.

– Я Надя успею, учили меня успевать, это уже на автомате всё. Пойду в военкомат областной, контракт подпишу. Точек всяких на планете много. Сейчас на медкомиссии не так придираются, как раньше, всем до лампочки стало, хочешь воевать – иди воюй. Контрактникам говорят сейчас хорошо платят.

– Какой военкомат? Какой контракт? Ты по ночам от боли орёшь, стонешь. Не навоевался ещё? Ты главное пить бросай, а работу найдёшь, – Надя немного успокоилась. – Ладно, иди в душ, завтрак разогрею, мне сегодня не с утра.

Вовка тоже успокаивался. Уф, вроде опять пронесло, Надя она отходчивая. Взгляд упал на гири и гантели, стоявшие в закутке за шкафом. Когда-то он каждое утро начинал с зарядки, таскал железо, потом пробежка, старался держать себя в форме. Теперь гири и гантели за ненужностью пылились в углу.

Владимир ещё раз тоскливо вздохнул и отправился в ванную. Мыться и бриться он всё же пока не прекратил. Пока брился в голове крутился каждодневный утренний вопрос: – Где достать опохмелиться? на "пятак" конечно найдёшь, но идти туда не хотелось, действительно сколько можно?

*****

Пока ел, Надя задумчиво смотрела на него и о чём-то думала.

– Вот что Володя, поезжай-ка ты к Николаю, поговори.

Вовка было вскинул голову в негодующем жесте, но Надя остановила его движением руки. – Подожди не перебивай. А то опять поссоримся. Я знаю всё что ты скажешь. Знаю так же то, что ты сам прекрасно понимаешь, что все твои домыслы ерунда.

– Ничего у нас с ним не было и быть не могло. Он тебе помочь хотел, вы ведь лучшие друзья были. Ну откуда в твоей пьяной голове всякие нелепые фантазии берутся?

– Коля ведь тоже раньше пил, сильно пил, ты сам тогда к нему ездил и ребята ездили, разговаривали, помочь хотели. Даже квартиру свою городскую пропил. Но ведь как-то сумел бросить, без всяких кодировок против которых ты так настроен.

– Дом родительский говорят восстановил, даже кур и кроликов завёл. Вот только так и не женился. Съезди к нему, поговори, может подскажет что. Как ему бросить удалось, что подтолкнуло.

– А то ты не знаешь почему он не женился. По тебе с первого дня сохнет, как только я вас познакомил, вот и не женился. Съезди говоришь. До него только на поезде четыре часа, а потом ещё два на автобусе, где деньги на билет?

– Я бы может и съездил, права ты, виноват я перед ним, обидел. Пьяный тогда был, почудилось что вы с ним переглядываетесь очень уж многозначительно, как будто только и ждёте, когда усну. Ну я и психанул, выгнал его.

– Тем более раньше, когда я его спрашивал. Ты чего не

женишься? Он всегда отвечал, что такую как твоя жена пока не встретил. Сам понимаю, что виноват перед ним, извиниться должен, даже звонил ему как-то, трубку не взял.

– А ведь Колька мне жизнь спас в Афгане, а в Чечне я его прикрыл, а потом вот так глупо получилось. Денег зарабатываю, съезжу к нему обязательно, права ты.

– Есть у меня немного денег Володя, по копейке на чёрный день откладывала, на дорогу хватит. Поезжай, завтра и поезжай, нечего тянуть, поезд утром, сегодня не успеешь. Только я очень тебя прошу, не ходи сегодня никуда, не пей, а то опять всё испортишь.

*****

Теперь он стоял на вокзале и ждал поезда. До него было ещё больше часа., и Владимир отправился в привокзальный скверик. Вчера он всё же никуда не пошёл. Весь день слонялся по квартире как неприкаянный. Включал телевизор, слушал очередное враньё «слуг народа», раздражался, снова выключал.

Опохмелиться хотелось жутко, но терпел. Тело ломило, голова налилась свинцом, язык был сухим и шершавым и не помещался во рту. Пил литрами воду из-под крана, выходил на балкон, опять в комнату. Казалось, день никогда не кончится. Но вытерпел, выпивку искать так и не пошёл.

Утром вымылся, побрился, надел одну из двух оставшихся приличных рубашек и отутюженные Надей брюки, погладил жену по плечу, и отбыл мириться с другом. Вдруг Коль-

ка и впрямь что посоветует, поможет, если у самого не получается.

Выпить по-прежнему хотелось. Если не покупать в дорогу пирожков и курицу-гриль как наказала Надя, (дома никакой еды кроме макарон и картошки не было, в дорогу ничего не собрать), то на бутылку хватит. Нет нельзя, обещал.

А с другой стороны, как трезвому Кольке в глаза смотреть, и разговаривать с ним на сухую как? Стыдно, да и слов не найти, нет надо взять. Выпью, когда в автобус пересяду.

*****

Перрон, вместе со зданием вокзала и станционными постройками, медленно уплывал назад. Вовка стоял в заплёванном тамбуре, прижавшись лицом к немытому стеклу, и смотрел как поезд, всё ускоряя ход, выбирается из душного города на простор.

Четыре часа пилить, в вагоне духота, сушняк не проходит, – проносились в голове провокационные мысли, ладно, с одной бутылки не развезёт, а в поезде всё равно больше взять негде.

Владимир достал из-за пазухи бутылку, с хрустом свинтил пробку, и запрокинул голову. Водка, обжигая гортань, полилась из горлышка в измученный воздержанием пищевод. Пил пока не высосал всё до капли.

Часть 3

Вовка наклонился и аккуратно поставил пустую бутылку на пол, где уже стояли ещё две, видимо страдающих в поезде хватало. Наступил самый блаженный момент, знакомый каждому пьянице. По всему телу разлилось тепло, желудок перестал бунтовать, а боль из головы быстро уходила.

Все пьющие знают, что это ненадолго, что, если продолжать, завтра будет ещё хуже. Но завтра будет завтра, а сейчас организм воскрес, мышцы налились силой, появился кураж и уверенность что всё будет хорошо.

Именно в этот момент алкоголик чаще всего и обещает себе и близким что он непременно завяжет, устроится на работу, и множество других вещей, каждый своё. Общее в этих обещаниях одно: ни черта он не завяжет, "под мухой" благие порывы суждены всем без исключения.

Чтобы завязать, должно произойти что-то из ряда вон: или болезнь, когда больше нельзя ни капли, или неординарное событие, или горе. Но главное конечно не это. Пока человек искренне и твёрдо не скажет сам себе: -Всё, больше нельзя! Дальше пропасть или смерть-! Но решить и дойти до этого он должен сам, никакие кодировки и увещевания тут не помогут.

Владимир расправил плечи, поднял голову и отправился в вагон на своё место. Ехать четыре часа, даже чуть больше, жаль книжку не взял или газету чтобы время скоротать. Ну ничего, у попутчиков спросить можно.

В плацкартном отсеке кроме него ехали трое: молодой,

уверенный в себе мужик примерно его возраста, другой постарше, хмурый и чем-то недовольный, третий ещё старше, с мягким интеллигентным лицом в дорогих очках. На боковых полках устроились мать со взрослой дочерью.

Троица мужиков резалась в карты. Играли в "дурачка". Хмурый раз за разом проигрывал и мрачнел ещё больше. Молодой играл спокойно, не выражая бурного восторга при выигрыше, и не сокрушаясь, когда проигрывал.

Интеллигент сыпал шутками и прибаутками вроде того, что "не везёт в карты-повезёт в любви" и другими, которых видимо знал множество. Он постоянно улыбался и всем видом демонстрировал доброе расположение к миру и всем окружающим.

Владимир поздоровался, присел на полку, и минут двадцать наблюдал за игрой.

– Присоединяйтесь товарищ -, любезно пригласил интеллигент, – всё время быстрее пройдёт, хоть скуку убить. Правда надоело уже в дурачка резаться, вы в какие игры умеете?

Володя в общем неплохо играл. Больше предпочитал шахматы, но они нынче были не в моде. Больше картишки и домино. В командировках, когда выпадало свободное время, баловались с ребятами частенько. Тогда больше выигрывал, память и логика помогали. Играли честно, да и мухлевать никто не умел.

– Я в разные умею -, с долей самодовольства ответил Владимир: – в "буру", в "трыну", в "двадцать одно". Во что хо-

тите? Только ведь в эти игры без интереса не играют -, сам полез в петлю Володя.

– На деньги предлагаете? – с сомнением протянул интеллигент, – ну я не знаю, если только по маленькой. Обыграете ещё до нитки, а я в отпуск еду, придётся возвращаться. А отдохнуть хочется, три года ждал. А вам долго ехать?

– Часа четыре, успеем наиграться, – всё больше влезал в умело расставленные сети Володя. Алкоголь бушевал в крови и провоцировал "на подвиги" – Только ведь вдвоём неинтересно, вы как ребята? – обратился он к двум другим.

– Ну а что, можно, – ответил спокойный, – давайте хоть познакомимся, Кирилл, – представился он первым.

– Владимир, Сергей Иванович, Вячеслав, – пожали друг другу руки остальные.

– Ничего, – думал Володя, денег немного. – Если даже и проиграю, до Кольки доберусь, на обратную дорогу даст. А вдруг? Когда-то неплохо играл, всегда в карты везло. Надю обрадую, дочке подарок куплю.

Игра началась. Играли в двадцать одно, попросту в "очко", но так эту игру теперь почти не называют. Играют в неё часто в местах лишения свободы, на катранах, на пляжах и в поездах. Игроки в основном имеют отношение к криминалу, поэтому первоначальное название игры не употребляется, для них оно имеет позорный смысл.

Ставки поначалу были мизерными, игра проходила с переменным успехом. Володя выигрывал, потом проигрывал,

но всё равно был в небольшом выигрыше. Азарт будоражил кровь всё сильнее и сильнее. Наконец он не выдержал:

– Может ставки повысим мужики? Что мы как дети по мелочи? Играть так играть!

Потом Владимир сам удивлялся тому, что добровольно влез в эту аферу. Никто ведь не тянул, не заставлял. Сам напросился, и ставки повысить предложил тоже сам. Самому значит и расхлёбывать.

Повысили ставки. Карта Володе пошла как бешеная: десятки и тузы приходили почти каждый кон, как будто вся колода для него из них одних и состоит. Другим играющим шли картинки и карточная мелочь. Взял один довольно крупный банк, затем второй.

Когда придвинул к себе рукой по вагонному столику третий, и стал расправлять мятые бумажки складывая их в аккуратную стопку, в хмельной голове пронеслось:

– Вот она удача! Поймал-таки я эту капризную птичку за хвост! Главное теперь удержать, так только раз в жизни везёт! Вернусь с деньгами, посмотрим, как тогда Надя заговорит, а то уж совсем пропащим меня считает!

Душа наполнилась ликованием и гордостью. Вот вам, а вы говорите алкаш! Да в любой момент могу бросить! Мозги ведь не пропил! Хоть и говорят, что везёт только дуракам, но так неудачники говорят, которым никогда по-настоящему не фартило.

Владимир поглядывал теперь на невезучих попутчиков

свысока: ну не умеют играть, так лучше бы не садились, даже жалко мужиков, но ведь никто не заставлял. Вот и интеллигент занервничал, хоть и улыбается, как и раньше, но улыбка какая-то уже не та, вымученная, искусственная.

Когда всё проиграл надо дать ему немного денег на обратную дорогу, да на бутылку, чтобы не отчаялся совсем. Так, он сдаёт. Говорит, что ещё пару конов сыграет и всё. Расстроился мужик, ну ничего в следующий раз трижды подумает, прежде чем садиться.

Так, что тут у нас? Восьмёрочка, неплохо. Как обычно на весь банк. Ещё карточку, дама. Одиннадцать, отлично. Ну теперь десятку или девятку и конец интеллигенту. Тьфу ты чёрт, туз! Да, не очко меня сгубило... Ну ничего, ехать ещё долго, наверстаем.

Одурманенный водкой и неожиданно свалившейся удачей, Володя не замечал, что остальные игроки перемигиваются между собой, кивают, маячат друг другу непонятными знаками и жестами. Ему сейчас было не до этого, восторг переполнял всё его существо.

За следующие пару кругов проиграл весь выигрыш и все свои. Что за чёрт! Ну не может такого быть, не может! Считай только масть пошла! Отыграю всё обратно, чувствую отыграю! Может в долг поверят? Паспорт отдам, скажу, что дома деньги есть...

– Мужики, в долг поверите? Есть деньги, дома есть. Вот паспорт мой, адрес, прописка, отдам если что, не сомневай-

тесь. Я завтра уже обратно. Или подвезу куда скажете, ну мужики как?

– Ну а что поверим? – обратился интеллигент к остальным. – Мужик вроде серьёзный, надо дать человеку шанс, сдавай Вова, сколько на кон ставишь?

С губ слетела цифра, которая самому показалась нереальной. Но... Слово сказано, назад не возьмёшь. Ещё за полчаса проиграл столько, сколько даже в лучшие времена не то, что в руках не держал, не видел даже.

Интеллигент наконец бросил карты.

– Ну что Вова, хватит наверное. Ты не сын Рокфеллера в конце концов, отдай сначала что проиграл.

– Да вы что мужики! Я отдам! Давайте ещё! Мне ещё больше часа ехать, дайте отыграться, будьте людьми!

С лица интеллигента слетела вся мягкость и доброжелательность. Он снял очки с простыми стёклами, прищурил хищные глаза и жёстко сказал:

– Тебе что фраерок, детский сад здесь? Играть тебя никто не заставлял, за язык не тянул. Карточный долг святое. Отдай что должен, и живи дальше. Лохов учат! Не найдёшь денег, квартиру заберём, всё заберём! Паспорт твой у нас остаётся. Срок неделя! Собирайся, тебе скоро выходить. И не думай в бега податься, адрес знаем, семья ответит.

Часть 4

Вот попал так попал дурак пьяный, – терзали голову мыс-

ли. И что теперь? Что делать? Конечно, квартиру я им не отдам, где Надя с Верочкой жить будут. Но где взять деньги? Банк ограбить? Сиди уж, Клайд нашёлся, ещё Надю в Бонни возьми, дурак.

Прав интеллигент – лохов учат. Только он такой же интеллигент как я балерина. Очки, доброжелательность, всё маска. Волчара он, хитрый и опасный. Да Вова, развели тебя, красиво и грамотно развели, так дураку и надо. На халяву повёлся, а то, что сыр бесплатный только в мышеловке, забыл.

Но что же делать? А может?.. Хоть и не тренировался давно, но думаю много времени не потребуется чтобы всех троих на небеса отправить, или не знаю куда они там попадут. Тогда и проблема решена, никаких денег искать не надо.

Выманить в тамбур, там всех и... Дверь проводница не закрыла, всех на полном ходу, потом сам спрыгну. Найдут конечно, быстро найдут. Билет по паспорту брал, свидетели. Тогда пожизненное. Кисло, лучше бы вышка. А может и себя?

От семьи точно отстанут. Но как Надя с дочерью потом? Ведь любят они меня, знаю, что всё равно любят, даже несмотря на то, кем я стал. Да, любовь зла, верно говорят, что любят не за что-то, а вопреки. Да и самому пожить ещё охота.

В общем так Вова. Если удастся из этой передрыги как-то выбраться, ты сука ни капли больше в жизни не выпьешь.

Устроился сволочь. Жена на трёх работах горбатится, а ты козёл себя жалеешь, судьбу свою клянёшь, горе заливаешь.

Какое горе? Ты один такой? Предлагал Андреич в военном училище преподавать, так у тебя скотина амбиции. Как же, боевой офицер, у доски стоять. Ноль ты, а не боевой офицер. Сколько всего было, не сломался, выжил. А сейчас в кого превратился? Колька ведь тоже пил, бросил, живёт нормально.

Стоп! Колька! Я ведь к нему и еду, если примет конечно. Да, обидел друга ни за что, а теперь за помощью и советом к нему бежишь. А больше и посоветоваться не с кем. Может вместе придумаем что. Ну а не придумаем, грохну этих, когда придут, он потом о семье хоть позаботится, не бросит. Он Надю давно любит, сам говорил. Пора, через пять минут выходить.

– Ну что Вова Рухлов, – заглянул в паспорт фальшивый интеллигент, – ты всё понял? Через неделю в гости жди и деньги приготовь, никакие отговорки не проканают.

– Я понял, буду ждать. Лохов говоришь учат? Хитрожопых тоже учат. Ты думаешь судьбу за хвост ухватил? Крутой по самые не горюй? Ну-ну, приходите, встречу, – глаза Володи недобро блеснули. Сейчас с поездным каталой говорил не лох, которого тому удалось развести, и не опустившийся алкоголик. Сейчас с ним говорил капитан спецназа Владимир Рухлов, участник трёх войн, кавалер четырёх боевых орденов и десятка медалей.

*****

Володя подошёл к небольшому деревенскому дому, крепкому и видимо недавно подновлённому. Возле него росли цветы, а на прилегающем к дому огороде, видны были ухоженные грядки и теплица.

Недалеко от крыльца расположился колодец из новых брёвен, с аккуратным козырьком крыши. В тёплой пыли копошились куры, во главе с гордым разноцветным петухом. Вокруг разлилась знойная предвечерняя тишина.

Крыльцо дома выходило на заросший сочной травой луг, за которым толпились лесные деревья, покрытые изумрудными листьями. С другой стороны блестела серебром извилистая лента реки.

– Господи, хорошо-то как, от красоты с тишиной опьянешь, никакой водки не надо. Здорово Николай устроился, а вот и он, лёгок на помине.

Из небольшого сарайчика вышел друг и сослуживец, держа в обеих руках несколько куриных яиц. На его открытом обветренном лице появилась радостная улыбка:

– Привет Володя, выбрался наконец, думал не соберёшься никогда, заждался. Проходи в дом, на стол соберу, ужинать будем.

– Здорово Коля, ничего что я как снег на голову? Незваный гость так сказать.

– О чём ты? Ты для меня незванным и неожиданным никогда не был. А вообще, я почему-то знал, что ты на днях при-

едешь, предчувствие какое-то что ли. Ты друг мне, другом всегда и останешься, думаешь я забыл, как ты меня в Чечне прикрыл?

– Но сначала ты меня в Афгане, я тоже помню.

– Ну и хватит реверансов, проходи друг.

*****

Николай хлопотал у стола:

– Деликатесов не обещаю, еда у меня простая, но здоровая и сытная. Картошки отварю, мясо есть, рыба, яйца. Огурцы и помидоры с грядки, зелень, ягоды. Вот спиртного не держу, извини Володя. Как завязал полностью отказался, квас пью, соки, чай.

– Да я сам завязал Коля, на этот раз железно.

– Ну и молодец, рад за тебя, и давно?

– Недавно, утром сегодня в последний раз выпил и на этом всё.

Николай внимательно посмотрел на друга. – Что случилось Вова? Рассказывай. Семья в порядке?

– Пока в порядке, что дальше не знаю. Ехал к тебе просто поговорить, узнать, как ты завязать сумел, посоветоваться. Думал не получится у меня, но произошло кое-что. Больше ни капли, лучше пулю в лоб.

– Подожди друг, подожди. Что значит пока в порядке? Что завязал это хорошо, как говорил наш последний генсек: одобряю и поддерживаю. Почему пока и что значит дальше не знаю?

– Попал я Коля, круто попал, что делать и как выбираться пока не знаю. Я тебе сейчас расскажу всё, может что посоветуешь.

Владимир рассказал другу всё. И о беспробудном пьянстве в последние два года, и о разладе в семье, и о сегодняшнем дне. Рассказывал, ничего не приукрашивая и не утаивая, всё как есть, как на исповеди.

Николай слушал, не перебивал и не вставлял по ходу исповеди никаких реплик. Ничего не переспрашивал, не ахал, просто слушал, внимательно и серьёзно.

– Ну вот и всё Коля, что теперь делать не знаю. Скорее всего грохну их, когда за деньгами придут, думаю от семьи отстанут, как считаешь? Позаботишься о них? Не бросишь?

– Ты Володя не пори горячку, грохнуть их мы всегда успеем. Надо другой выход искать. Помнишь, как в Афгане Андреич говорил: из самой безвыходной ситуации есть выход. Часто он даже на поверхности лежит, просто мы его не сразу видим. Надо подумать, и найти этот выход.

– Сломать жизнь себе и близким легко, а построить и заново всё склеить гораздо труднее. Ломать всегда легче чем строить. Главное, что ты твёрдо завязать решил. Сколько ты им должен?

Владимир назвал цифру.

– Ни хера себе, – даже присвистнул Николай. – Эко тебя угораздило. Даже если дом продам и всё что есть, даже половины не наберётся.

– Не надо ничего продавать Коля, сам с чем останешься?
Грохну, это единственный выход, другого не вижу.

– Да подожди ты, заладил, грохну да грохну, думать надо, не пори горячку, сообразим что-нибудь.

*****

Часть 5

– Говоришь эти гаврики через неделю заявятся? Неделя, это хорошо, времени достаточно. Мелькнула у меня какая-то мысль, хорошая мысль, а вот ухватить её пока не могу. Но ничего всплывёт.

– На пару дней мы у меня задержимся, тебе собраться надо и успокоиться, сам знаешь, дёрганый боец, не боец. Думаю, раньше, чем через неделю, ни тебе ни твоей семье ничего не угрожает. Им ведь главное деньги получить.

– Ты думаешь они не понимают, что сумма для тебя нереальная? Прекрасно понимают. Их тактика ошеломить, запугать, заставить человека нервничать, растеряться. А потом они сумму долга снизят, их главная цель – деньги. Хотя конечно и среди катал разные попадаются.

– Вот именно что разные Коля, я глаза этого интеллигента фальшивого видел. Это глаза убийцы. Ты понимаешь о чём я. Поэтому я и хотел их валить, он не отступит, я этот взгляд знаю. Конечно, неделю они подождут, сами такой срок назначили, а вот что потом... Слушай друг, ты только сразу не скидывайся, но не стоит тебе в это дело ввязываться, сам разберусь.

– Ты Вова в своём уме? Ты за кого меня держишь? О чём вообще говоришь? Вместе разберёмся. Всякое было, но выход всегда находили, и здесь найдём. Мы с тобой сегодня на вечерней зорьке с удочками посидим, помнишь, как на войне мечтали?

– У речки и заночуем, у меня палатка небольшая есть, спальники. Природа, она душу лечит, силы новые даёт, мозги на место ставит и усталость снимает. Завтра сходим на почту, Наде позвоним в школу, скажем что задержишься у меня ненадолго, конечно рассказывать ей ни о чём не надо, незачем ей нервы взвинчивать.

– С ружьишком по лесу побродим, грибы уже пошли, ягоды, в общем отдохнёшь от своей прежней жизни, а потом решение примем, что и как.

– А зачем на почту Коля? У тебя мобильника нет? Я-то свой пропил, всё равно звонить некому. Тебе звонил, ты не ответил, подумал обиделся крепко.

– Есть у меня мобильник, связи здесь нет, поэтому с почты по стационарному и позвоним. А звонка твоего не видел, ответил бы обязательно, не обиделся я, всё понимаю, сам через это прошёл.

– Я ведь Коля и ехал к тебе поговорить. Не получается у меня бросить, вернее не получалось, теперь всё. Хотел узнать, что тебя подтолкнуло, как к этому пришёл, как выбрался.

– Да никак я Вова не приходил и ничего особенного не

делал. Пил беспробудно, и обида была как у тебя, на Армию родную, на страну, на то, как обошлись с нами. Квартиру продал за бесценок, пропил, вот сюда уехал.

Дом ветхий был, вокруг упадок, запустение. Здесь тоже пил, деньги ещё оставались. А потом как-то проснулся утром, как будто всю картину разом увидел каким я стал и как жизнь свою испоганил. Такая обида и злость меня взяла, только уже не на кого-то, а на себя.

Сам себя и спросил: что же ты скотина делаешь, в кого превращаешься? Об этом ты мечтал, когда воевал, когда жизнь в любой миг оборваться могла? А сейчас ты сам жизнь в себе убиваешь, и конец уже вот он, за ближайшим поворотом.

Оглянись вокруг... Лес, речка, закаты, рассветы, красота вокруг, живи, жизни радуйся. Ну обошлась жизнь с тобой несправедливо, и что теперь? Водкой тоску глушить? Тебе кто-то обещал, что легко будет? Кроме тебя самого жизнь твою изменить никто не сможет.

Семь мальчиков из-под печки не вылезут, и тебя дурака из болота, в которое ты сам себя загнал, за уши не потащат. Всё в твоих руках. Хочешь жить как сорняк и сдохнуть под забором, живи и сдохни, никто не помешает. А не хочешь, так сделай что-нибудь, переступи, преодолей, а не сможешь, так грош тебе цена и как воину, и как человеку!

Вот так и бросил. Дом подлатал, кур завёл, охотиться стал, рыбачить, красоту вокруг замечать. Рыбу, яйца на станции

продаю, пассажиры поездов покупают охотно. В общем на жизнь хватает.

Скучать вроде некогда, но признаюсь накатывает иногда, задумал кое-что, но об этом после. Вот так и живу. Жизнь ведь Вова прекрасна и удивительна, как наш любимый литературный персонаж говорил.

Несмотря ни на что прекрасна и удивительна. И даётся она один раз, извини за банальность. А как ею распорядиться, каждый решает только сам. Ладно, чаю попью и будем на рыбалку собираться, надо ещё червей накопать.

Володя прислушался к себе и с удивлением заметил, что напряжение последних часов отпустило, лихорадочные поиски выхода вдруг сменились спокойствием, относительным конечно, и уверенностью что всё образуется, как-то наладится, словом всё будет хорошо.

Он теперь был не один со своими мыслями и проблемами, рядом был друг. Друг надёжный и проверенный. Володя и сам бы пошёл за Николаем хоть к чёрту в пекло или на рога, как там правильно. Настоящей дружбе не страшны разлуки и расстояния, друг не осудит и всегда поймёт.

Костёр рядом с человеком с седых времён. Он отпугивал хищников, освещал жилище, и создавал в нём уют. На нём готовили пищу, возле него спасались от холода и непогоды, вели длинные неторопливые разговоры.

Проходят годы, века и тысячелетия, а человек по-прежнему любит сидеть у костра. Когда смотришь в его огонь, само

собой улетучивается всё плохое, проходят тревоги и страхи, душа и сердце наполняются теплом и покоем.

А ночной костёр на берегу реки, это вообще нечто особое. Он делает всё вокруг волшебным и загадочным, и уносит нас в те времена, когда мир был юным.

Друзья с аппетитом поужинали ухой из чебаков и окуней, вспомнили годы службы и замолчали, глядя как языки огня лижут сухие поленья. Каждый думал о своём, вернее об одном и том же, каждый пытался найти выход.

– Есть выход Вова, есть! – чуть возбуждённо сказал Николай. – Я всё думал, что же от меня ускользает, а сейчас всё сложилось. Действительно природа мысли в порядок приводит.

– Ты Лёху Борисова помнишь? Ротой разведки командовал, потом ещё начальником службы безопасности казино был.

– Помню. Друзьями близкими не были, но общались нормально, мужик правильный. У него же семья в автокатастрофе погибла, а он после этого исчез куда-то. Говорили вроде в Йемен подался или ещё куда. Да я мало что о ком из наших знаю. Как бригаду расформировали, разбрелись все кто куда.

– Всё верно, я о нём и говорю. Семья у него действительно погибла, жена и двое детей. А жена Лена моей двоюродной сестрой была, ты её видел как-то, когда мы к тётке моей заезжали. Когда они погибли, я в этом его винил, не уберёг, не досмотрел.

– Сейчас понимаю, что не прав был, ему от этого больше всех досталось. Но у нас ведь обычно как: поддашься эмоциям, наговоришь непоправимого, а потом жалеешь. Печально что бывает уже поздно пытаться что-то исправить.

– Я пил тогда, а когда завязал извиниться перед ним хотел. Только он действительно куда-то уехал. Был он в Йемене, уже позже уехал, после того как они с ребятами город от криминала практически очистили, порядок навели.

– С ним Серёга Логинов был, они друзья давние, как мы с тобой. Серёга знает где он сейчас. Мы с ним перезваниваемся изредка, я кое-что задумал, нашёл его, хотел тебя подтянуть, только до тебя не достучаться было. Серёги сейчас в городе нет, через неделю будет, у него и узнаем, как Лёху найти.

– Ну узнаем и что? Лёха-то нам зачем? Он что, помочь может?

– Он может Володя. Может и поможет. Тьфу ты стихами заговорил, – улыбнулся Николай. – Я тебе сейчас всё объясню. Понимаешь, олигарх у которого он шефом по безопасности работал, мужиком оказался порядочным.

– Он тоже участником той аварии был. Себя винил в смерти Лёхиной семьи, однажды и влетел под фуру, намеренно влетел. Он раньше гонщиком был, так что отвернуть бы сумел. Но решил всё закончить, не смог с таким грузом жить.

– А перед тем, как погиб, все дела в порядок привёл. Лёхе и двум его ребятам, они заместителями у него были, солид-

ные деньги на счёт положил.

– Лёхины ребята ЧОП открыли, а сам он уехал. Деньги так в банке и лежат, он их не тронул. Серёга знает где Алексей осел, скажет. Лёшка деньги отдаст, я его знаю, найдём его, всё объясним.

– Каталы твои подождут ещё неделю, должны же в положение войти. Ты не бегаешь от них и не прячешься, в конце концов они тоже люди. Каждый зарабатывает как может, не нам их судить. Ну а урок ты получил хороший, и выводы из него сделал правильные. Так что вот он – выход, и валить никого не надо, и квартира за твоей семьёй останется.

– Но ведь эти деньги всё равно как-то отдавать надо, не каталам, так Лёхе, я Коля иначе не смогу. Но хоть время будет, и никто как говорится с ножом к горлу... Спасибо друг, камень с души снял.

– А насчёт того, что отдавать, мы Володя с тобой завтра поговорим. Есть идея у меня, я поэтому Серёгу и жду. Пошли в палатку, поспим пару часов. Скоро рассветёт, на утренней зорьке клёв хороший.

*****

Часть 6

С вами когда-нибудь здоровалось солнце утром на реке? Вы видели, как на траве и кустах блестят бриллиантовые капли росы? Как красавицы ивы полощут в реке шёлковые золотистые косы?

Может быть, вам посчастливилось видеть, как клочки го-

лубого тумана, слящегося в изгибе сонной реки, постепенно поднимаются, и становятся розовыми и оранжевыми. Или как прихорашиваются деревья, смотрясь в речное зеркало. Как просыпается рыба, и начинает плескаться, приветствуя новый день.

Когда смотришь на всю эту красоту, боишься даже дыханием нарушить, спугнуть эту воздушную, торжественную гармонию. Гармонию тишины и сна, покоя и жизни. Она как чудесная мелодия, беззвучная, но ясно чувствуемая.

*****

Владимир как зачарованный впитывал в себя эту утреннюю сказку, и почти физически ощущал как из души испаряется вся муть и поганая накипь. На мгновение в памяти промелькнули годы пьяного угара и душу охватил озноб. Но это длилось лишь короткий миг. Душа жадно наполнялась светом, уверенностью и покоем.

Наверное, у каждого из нас были в жизни дни, может быть часы, даже минуты, при воспоминании о которых становится теплее на душе, а сердце начинает биться сильнее и радостней. В жизни Володи потом было много приятных выходов на природу, были и рыбалка, и охота, но эти три дня, проведённых на реке и в лесу с другом, остались в душе навсегда.

Они много разговаривали, шутили и смеялись. Выход был найден, с пьяным прошлым покончено, отчего бы и не радоваться. Господь наделил человека величайшим даром – умением радоваться.

Люди, у которых это чувство не развилось, или по какой-то причине спряталось на самое дно души, никогда не будут счастливы. Без радости не может существовать ни любовь, ни дружба. Жизнь без радости скучна и уныла.

*****

Друзья порыбачили, искупались, и блаженствовали, греясь в лучах пока ещё не палящего утреннего солнца. Николай спросил:

– Как у тебя со здоровьем Володя, старые раны сильно беспокоят? Вопрос не праздный, ты вчера беспокоился что деньги всё равно отдавать придётся. Я сам такой. Для себя бы никогда не попросил, в общем с долгом твоим этим каталам, вопрос практически решён.

– Да как здоровье Коля, по-разному бывает, но в целом ничего, особо не достаёт. А что?

– Понимаешь друг, я тоже заскучал. Адреналина что ли не хватает, или ещё чего. Серёга говорил его парни часто на ближний восток мотаются. Там сейчас платят прилично, даже очень. Вот я и хотел тоже и кровь разогнать, и заработать заодно. Когда за любимое дело платят, это здорово.

– Давай вместе а? Серёга мне объяснил. Сейчас всё просто: приходишь в военкомат с военным билетом, там отметки о службе, о наградах. Пишешь заявление, контракт заключаешь, и на борт. Медкомиссия сейчас не дотошная, прежних строгостей и ограничений нет, пройдёшь.

С нашим послужным списком с руками оторвут. За па-

ру командировок со всеми долгами рассчитаешься, я помогу. Заикнёшься что потом мне отдавать надо, я тебя в речке утоплю, – улыбнулся Николай. – Ты как в принципе?

Глаза Владимира полыхнули надеждой и радостью: – Да я Коля обеими руками за, сам хотел, только Надя против. Ну ничего, я её уговорю, когда едем?

– Эко тебя разобрало Володя, – рассмеялся Николай. – Всё уладим, вопрос закроем и поедем. Есть ещё один вариант. Сергей меня к ним работать звал, тоже можем вместе. Зарабатывают ребята неплохо. Помогут кредит в банке взять, потихоньку рассчитаешься, я и тут помогу. В общем выше голову командир, безвыходных ситуаций не бывает.

– Какой я тебе командир, в одном звании мы.

– Ну как же. Ты на первом задании командиром группы был, те кто жив остался с тех пор тебя командиром и называют. И вообще ты всегда быстрее остальных умел всё просчитать и правильное решение принять, недаром Андреич тебе предлагал тактику преподавать. Дурак ты что отказался.

– Да сам сейчас понимаю, что дурак. У нас ведь как: рубанёшь сгоряча, ошибок наделаешь, потом поймёшь, а исправлять и на попятную идти вроде стыдно. А когда понимаешь, что ничего здесь стыдного нет, бывает уже поздно. Вот и мне перед Андреичем стыдно, ещё когда обещал ему что пить брошу, слово не сдержал.

– Ты Володя себя не очень вини, я когда пил тоже много чего кому обещал, и тебе в том числе. Алкоголь, это такая

зараза, он человека меняет полностью, уродует. Сколько бед из-за него, сколько судеб сломано, жизнью загублено, талантов. Главное, что мы с тобой это поняли.

– К кому это понимание, даже прозрение, наверное, приходит, тот бросает, меняет жизнь, судьбу, исправляет ошибки. А когда эта зараза человека поработит, когда он не может перешагнуть, переступить, собрать силы и волю, тогда и живёт как мусор, и постепенно становится не нужен никому, даже себе. Ладно хватит. Тебе здесь нравится?

– Нравится Коля не то слово. Я поражён и восхищён. И ещё удивлён. Почему я раньше не замечал этой красоты? То есть замечал конечно, но как-то отстранённо что ли. А красота она ведь в душу проникает, в сердце, лечит их, из пепла воскресает.

– Неужели для того, чтобы это понять, прочувствовать, надо чтобы что-то плохое произошло, страшное? Нет, наверное, я ведь и раньше, и в нормальной жизни ничего подобного не ощущал, не чувствовал. Как слепой котёнок, тепло, сытно, а больше ничего вокруг. А сегодня как накрыло.

– Ну ты не заговаривайся командир насчёт котёнка. Как это ничего? А служба наша, дружба, это ничего? Война поганое дело, но и в ней есть один жирный плюс. Мы на ней жизнь ценить научились. Когда вокруг смерть, тогда только и понимаешь как прекрасна жизнь.

– А то, что иногда не можем ей правильно распорядиться, это уже от каждого в отдельности зависит. Менталитет что ли

у нас такой, чётр его знает. Помнишь ведь и Саню Ступина, и Славку Куракина, и Юрку Зубина.

– Один повесился, крыша от водки поехала, другой утонул по пьяни, третий с сигаретой уснул, сгорел. А какие ребята были, хоть куда с ними, не предадут, не подставят. Всех эта зараза сгубила. Не смогли её победить. И мы с тобой чуть от неё не сгорели. Хотя я всегда верил, что ты справишься, и что я справлюсь, когда сам пил.

– Ладно, пошли картошку с грибами жарить, есть охота, кормим баснями друг друга, как того соловья. Давно обедать пора. На мне костёр, ты картошку чистишь.

*****

– Спросить тебя хотел Коля, – сказал Владимир после обеда. – У тебя на участке цветов много, я ещё в первый день заметил, неужто сам выращиваешь? Красиво, люблю цветы.

– Я тоже люблю, мама в детстве на каждом свободном клочке земли цветы сажала. Не сам Володя, хотя, наверное, и сам бы вырастил, было бы желание.

– Женщина одна заходит ко мне иногда. Ниной зовут, на местной почте работает. Хорошая женщина, чем-то на твою Надю похожа, ты знаешь она всегда мне нравилась.

– Я когда пил, она из здешних одна меня не сторонилась, поддерживала, помочь пыталась, вытащить. Молоком отпаивала, готовила, поесть упрашивала, в доме порядок наводила.

– В том, что я пить бросил во многом и её заслуга есть.

Стыдно мне было. А она всё уговаривала, жалела. Не фыркала презрительно как другие, не презирала. Ей самой в жизни досталось. Муж, пьющий был, суррогатом отравился, помер. Детей нет, а она хотела очень, и сейчас хочет.

– Ну вот почему Володя, хорошим, замечательным женщинам часто алкаши достаются? Тянет их голубок к ним что ли? Бьются, спасти пытаются, а жизнь уходит, годы как дни летят. А они бедные ждут, надеются, верят им, бывает всю жизнь.

– В общем друг, влюбился я. По-настоящему влюбился, а объяснить не могу, как мальчишка ей-богу. Робость какая-то, как в юности. Каждый день сказать собираюсь, и каждый день откладываю.

– Перед твоим приездом совсем было решил, думал приглашу на реку, у костра и объяснюсь. Ну ничего, когда твои дела уладим, обязательно предложение сделаю. Она тоже меня любит, я чувствую. Такое всегда чувствуют. Может быть, и ребёночка родим, я тоже детей хочу.

– Молодец ты Никола, от души рад за тебя. Дай Бог чтобы у вас с Ниной всё получилось. Завтра домой поеду, через три дня эти заявятся, надо Надю подготовить. Расскажу ей всё, она простит, поймёт и поверит.

– Вместе поедет Володя. Я эти дни у тебя поживу, рядом буду. К ребятам наведу, подскажут как с Сергеем связаться, объясню ему в общих чертах что к чему, может сможет пораньше на день-два вернуться, или скажет, где Лёшку ис-

кать.

– Ладно командир, худа без добра не бывает, наша ситуация как раз под эту поговорку подходит, пошли купаться, жарко.

*****

Часть 7

Наступил день, когда каталы должны были прийти за долгом. Был полдень, их ждали вечером. Друзья сидели на кухне в квартире Владимира, пили крепко заваренный чай и разговаривали.

– Сергей приедет завтра, – сказал Николай, – звонил ему два раза, связь паршивая, толком не поговоришь. Завтра же узнаю у него как с Алексеем связаться, так что в ближайшее время деньги будут. Этим сегодня объясним, не дураки, подождут, им главное долг получить. Ты Надю подготовил?

– Да, поговорил с ней, рассказал всё как есть, поняла, поверила. Она молодец, мне её Бог послал, не иначе. Я сейчас её к подруге отправлю, дочь с классом в поход ушла на природу, собирались дня на три, так что её тоже не будет. Ни к чему им при разговоре присутствовать.

– Слушай Вова, может быть зря мы ребятам ничего не рассказали? Ты попросил не говорить пока, я и молчал. А то встретили бы этих, так вломили, что они бы забыли о тебе, а то и отрещивались, если конечно умеют.

– Нет Коля, не поможет это. Я тебе говорил, я глаза их главного видел. Он волк. Вломить конечно можно, я бы и

один их по стенке размазал. А потом что? Ходи и оглядывайся? Он ведь мстить будет. Был бы я один, тогда другое дело, а семьёй рисковать не буду. Не валить же их в самом деле.

– Да и виноват я во всём сам. Меня ведь правда никто за уши в игру не тянул. Это их жизнь, их работа, не нам их судить, для этого другие судьи есть, всё вспомнят, когда время придёт. Деньги что проиграл отдам, а вот объяснить, что на этом всё, надо конечно убедительно.

– Объясним, чтобы у них аппетит не разыгрался. А то ведь это публика такая, отдашь деньги, сочтут что испугался, начнут разводить. Опять же для них ты лох, раз деньги нашёл, значит и ещё достанешь, так что наверняка попробуют тебя и дальше подоить.

– Это я на себя возьму. Потом уже если понадобится ребят и подтяну, поговорим жёстко, так что дорогу сюда забудут.

*****

Дверной звонок прозвенел в девять вечера. Было ещё светло, но солнце село, наступила вечерняя прохлада и большинство людей выбрались на улицу перед сном. Бабушки заняли свои законные места на лавочках у подъездов, молодёжь разбрелась по дискотекам и танцам, дети гоняли мяч, мужики "забивали козла".

В подъезде в этот час почти никого не бывает, так что время для визита каталы выбрали идеальное. Друзья вышли на тесную лестничную площадку. Явились четверо: уже знакомая троица и здоровенный амбал с перекаченными в спорт-

зале мышцами, видимо захваченный на всякий случай, в качестве силового давления.

– Ну что Вова, лавэ приготовил? – сузив хищные глаза и блеснув золотой фиксой*, начал разговор "интеллигент". – А это кто? – кивнул он на Николая, – поддержку подтянул? так нам похер, отдай бабки, и никакая поддержка тебе не понадобится, а не отдашь, так никакая не поможет. Остальные пока молчали.

– Деньги будут, – ответил Владимир, но придётся ещё подождать. Немного, несколько дней. Паспорт верните, я не бегая и не прячусь, адрес знаете, убедились, что я по этому адресу и проживаю, так что он вам ни к чему-.

– Начинается, – недобро протянул "хмурый". – Тебя же падла предупреждали что никаких отмазок. Или деньги, или утром едем к нашему нотариусу, квартиру на нас перепишешь, часть долга покроешь, об остальной после поговорим.

– Квартиру не отдам, сказал деньги будут, значит будут. Идите мужики, не надо обострять, скажите как с вами связаться, или приходите дней через пять, через неделю.

– Опять через неделю? – снова подключился главный, – потом опять? Мы, конечно, могли бы ещё подождать, но если сейчас у тебя денег нет, то их и через неделю не будет. Ты Вова не монетный двор, взять тебе бабки негде, так что квартира в качестве первого взноса нас вполне устроит.

– Ты понимаешь, что прежде, чем прийти, мы навели о тебе кое-какие справки. Кредит тебе ни один банк не даст,

ты не работаешь. Ну служил, был офицером, так это когда было. Сейчас ты алкаш и лох, а лохов учат. Ты ноль Вова. Ты никто. Нет тебя.

Так что придётся тебе офицерик бывший, и бабам твоим на улице жить, ну ничего сейчас тепло. А если приютит кто, так мы не против совсем, мы тебе даже денег даже немного на первое время подкинем, пока остальную часть долга искать будешь, так что с голоду не подохнешь.

Глаза Владимира недобро сверкнули. Изо всех сил сдерживаясь, стараясь говорить спокойно, он произнёс:

– Во-первых, я не офицерик, а офицер, а они бывшими не бывают, слышал, наверное. А во-вторых, я уже сказал, квартиру вы не получите. Ждите, деньги отдам. И не тебе потрох сучий решать ноль я или единица, боевая единица чтобы ты понял. Я сказал, ты услышал, другого разговора не будет.

Николай пока молчал. Он выглядел спокойным и расслабленным, стоял в свободной, даже небрежной позе, но внутренне был собран и готов. Он привычно и профессионально прокачивал ситуацию.

Качок не опасен, гора мышц, выражение лица тупое, медлитель. Достаточно одного отключающего удара. Проще всего в нокаут отправить боковым в голову. У того который пока молчит, в рукаве нож, характерно подгибает пальцы, чуть вывернул кисть. По всему с ножом обращаться привык, дело знакомое.

Если дойдёт до драки, его надо бить первым, лучше всего

сломать руку в запястье, дело плёвое. "Интеллигент" самый непонятный, поэтому скорее всего наиболее опасен, вполне вероятно у него может быть ствол.

Тот которого Володя называет "хмурым", видимо кое-чему обучен. Стоит расслабленно, чувствуется опыт в рукопашной. Вовка наверняка его просчитал, если что на себя возьмёт, он к нему ближе всех. Не хотелось бы, конечно, их калечить, Володя прав, лишние сложности возникнут, могут сволочи на семье отыграться.

– Ты видимо не въехал в ситуацию мужик – снова подключился "хмурый". – Ты не в том положении чтобы вякать и возражать. Ты нам должен, не мы тебе. Отдашь квартиру, никуда не денешься. Ты думаешь тебя просто попугать пришли? Всерьёз считаешь, что у нас нет возможностей тебя обломать?

– Вздумаешь возбухать или в отказ пойдёшь, мы для начала с твоими девками пообщаемся. А что, баба твоя вполне ничего ещё, приодеть, подкрасить и употреблять со всем удовольствием. Дочка тоже уже не ребёнок, титьки уже растут, в девку превращается. Так я у неё первым буду, обучу кое чему.

Лицо Володи потемнело. В упор глядя на "хмурого", он медленно, чуть растягивая слова произнёс: – А вот этого сука, тебе было лучше не говорить...

В тот момент, когда кулак Владимира врезался бандиту в горло, тот в последний миг ещё успел увидеть в его глазах

свою смерть, приговор, конец, можно назвать, как угодно, смысл один.

Николай хорошо знал своего друга, мгновенно понял, что его уже не остановить, всё пошло не так как рассчитывали. Не медля и доли секунды мощнейшим хуком* отправил качка в нокаут, всё-таки начал с него, уж очень удобно тот стоял.

Любой боксёр знает, насколько опасен хук в голову. Удар резкий, быстрый, наносится без замаха. А если бьёт профессионал спецназовец, то шансов остаться в сознании у противника вообще нет никаких. Убить таким ударом не убьёшь, но глубокий и продолжительный нокаут гарантирован.

Перехватил руку с ножом второго, рывком вывернул вбок и внутрь, всё как учили. Тишину подъезда разорвал вопль, боль при таком переломе адская. Боковым зрением увидел, как Володя достал "клювом орла" по печени "интеллигента", понял, что помощи не требуется, ногой отшвырнул выпавший нож, и уже детально окинул взглядом место короткой схватки.

Бандиты не то, что не успели среагировать, похоже они даже ещё не поняли, не осознали, что произошло. Впрочем, это закономерно. Они привыкли брать нахрапом, запугивать, бить ножом, иногда стрелять.

И вдруг на собственной шкуре испытали что такое схватка с боевой машиной, обученной и профессиональной. Сравнить бой двух бойцов спецподразделения с дилетантами,

можно, пожалуй, с двумя матёрыми волками в овчарне, или тиграми в стае антилоп.

У интеллигента действительно оказался ствол, выпал из-за ремня при падении. Володя подобрал его и как-то буднично сказал: жаль с предохранителя не снял и затвор не пере-дёрнул, а то отстрелил бы себе яйца сука.

Качок и "хмурый" лежали без движения, "интеллигент" пошевелился, скоро должен прийти в себя. Тот у которого был нож скулил и всхлипывал от боли, баюкая здоровой рукой сломанную. Николай внимательно посмотрел на "хмурого", присел и нащупал пальцами сонную артерию:

– Готов, что же ты так неосторожно?

– Почему неосторожно? Я этого и хотел, туда ему и дорога.

– Ну и что теперь? Что делать будем командир?

– А что тут сделаешь, пошли ментов вызывать и скорую.

*****

Фикса* – коронка

Хук* – боковой удар в голову в боксе.

*****

Часть 8

Вызвали скорую и милицию.

– Зачем ты его убил командир? Думаю, лучше всё же было договориться. Теперь ведь тюрьма однозначно.

– Я должен был это сделать. После того что он сказал, должен был. И причина здесь не в нервах или несдержанности.

Он ведь на полном серьёзе говорил. Да и наверняка делал это уже с другими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.